

Михаил Петров

Тени и Тайны Старого Таллинна

Часть II.

Таллинн. Covid 21

Харку. Могила и обгоревшее дерево.

Моряк без головы или могила без праха

В начале 90-х годов я работал на Эстонском телевидении в редакции «Русского видеоканала». Однажды в мае 1992 года продюсера Евгению Хапонен позвали на эксгумацию останков бойца Особого отряда моряков Евгения Александровича Никонова, а она взяла с собой меня. Согласитесь, случается такое не каждый день.

На гребне холма Марьямяэ собралось два десятка человек. На месте работала Володя Поляков с бригадой из «Актуальной камеры». Наши с Поляковым воспоминания фокусируются только в одной точке — самом факте события. Он помнит подробности, я помню суть. Очень я потом пожалел, что не было с собой даже фотоаппарата.

Могила с прахом Никонова уже была вскрыта до крышки гроба. Гроб был в хорошем состоянии и его легко вынули из могилы. Легко, потому что в гробу ничего не было — ни праха, ни даже земли — чисто и пусто. Публика была в шоке, ветераны в недоумении, эстонцы посмеивались.

Через полгода, тоже посмеиваясь, Хапонен рассказала, что однажды ночью на кухне в отсвете уличных фонарей она увидела силуэт военного с бескозыркой в руке. Зажгла свет, а на кухне пусто. Прошло несколько лет, и моряк без головы привиделся контр-адмиралу в отставке Сергею Афанасьевичу Смирнову. Репутация у паркетного контр-адмирала была так себе, а особенно по женской части. Однако подозревать его в пустозвонстве причин не было. Признание прозвучало на приёме в российском посольстве вполне себе на трезвую голову, хотя и без подробностей. И я был тому свидетелем.

Я бы и не вспомнил этот эпизод, если бы в 2006 году всерьёз не взялись за памятник на братской могиле в центре города, так называемого, Бронзового солдата. Тема пустой могилы Никонова неожиданно стала интересной и актуальной.

Изначально было подозрение, что всё, что написано о подвиге мифического краснофлотца Никонова буквально высосано из пальца, точнее из разных пальцев. Начало истории положил потерявший под хутором Харку ногу политрук роты Особого отряда моряков КБФ старший лейтенант Григорий Иванович Шевченко.

Не важно, как погиб настоящий Евгений Александрович Никонов, важно, что подвиг свой он совершил, *положив живот свой за други своя*. Если погиб — слава герою, если выжил и довоевал войну до победы, то почёт и уважение. Однако именно политрук Шевченко распорядился посмертной судьбой краснофлотца.

Из разных источников без героических подробностей вычленим главное. Политрук Шевченко с моряками из ООМ КБФ держал оборону в районе хутора Харку. 19 августа 1941 года в первой половине дня политрук собирался отправить раненного матроса Никонова в госпиталь, поскольку он мог связать передвижение отряда. Однако уже вечером Шевченко отправляет раненого Никонова в разведку, причём по его же инициативе. В разведгруппу включены ещё двое безымянных моряков.

Ночью отряд слышит недалёкий скоротечный бой, который предположительно ведёт разведгруппа Никонова. Отряд слышит, как враги пытаются Евгения Никонова. Умирая матрос громко просит товарищей отомстить за него. Если его так хорошо слышали в отряде, то расстояние было ничтожным, не более полусотни метров.

Отряд атаковал противника на рассвете. По другой версии, отряд Шевченко бросился в атаку услышав крики Никонова. Противника выбили с хутора. В глубине территории нашли привязанным телефонными проводами к обгоревшему вязу обуглившийся труп краснофлотца. По найденной рядом бескозырке с ленточкой «Минск» в покойнике был опознан матрос Никонов.

В повторном донесении время тоже не указано, но 20 августа под Таллинном рассвет наступает в 6 часов 47 минут утра.

Чтобы сжечь тело взрослого человека нормального сложения, требуется до полтонны берёзовых дров. Так что костёр для казни моряка должен был иметь внушительный размер, гореть долго и быть хорошо виден с позиции, которую занимал отряд Шевченко. Если принять во внимание, что между последним криком Никонова и атакой разрыв во времени сведён к минимуму, то непонятно как за короткое время живой моряк мог обгореть и даже обуглиться до неузнаваемости.

Состав разведгруппы не объявлен, их тела никто и никогда не искал. Однако в донесении Шевченко указаны два свидетеля опознания: матросы Корнеев и Сумочкин. Учётная карточка Николая Владимировича Сумочкина, точнее *Суточкина* заполнена одной рукой с учётной карточкой Никонова. Боец ООМ КБФ, Николай Суточкин, он же свидетель опознания пропал без вести в районе Таллинна в августе 1941 года. Можно предположить, что Корнеев — третий член разведгруппы пропал вместе с Суточкиным.

Неизбежно возникает вопрос: кого именно опознавали эти призраки, если на всех известных фотографиях Никонова на ленточке его бескозырки написано «Краснознам. Балт. Флот», а под вязом нашли бескозырку с ленточкой «Минск»?

Листовка, отредактированная после 1943 года.

На снимке: памятник Герою Советского Союза Е. А. Никозову в Кадриорге. (Фото № 10).

Обугленное тело краснофлотца похоронили под обгоревшим вязом. В 1946 или в 1947 годах, на могиле Никонова в Харку установили первый памятник. Второй памятник, изображающий верхнюю палубу корабля с припущенным знаменем, был воздвигнут в Кадриорге в 1951 году. Прах Никонова из Харку был перенесён в Кадриорг. В 1957 году мемориал в Кадриорге разобрали, а в прибрежной полосе парка Кадриорг был устроен третий мемориал. В 1960 году на новой могиле был установлен бронзовый памятник. В 1991 году мемориал был осквернён, бронзовый памятник лишился головы.

Вот что российский ветеран, председатель комиссии по перезахоронению Георгий Иванович Иванов рассказывал журналисту из Тольятти Сергею Мельникову:

«Со слов Иванова, когда тольяттинские гонцы (при поддержке командования морской базы и таллинских товарищей) в условиях глубочайшей конспирации стали раскапывать место в парке Кадриорг, где, по их предположению, должны были покоиться останки Никонова, в могиле не оказалось ничего. "Гроба не оказалось, и во избежание стихийного митинга они приняли решение взять как прах часть этой земли. И действительно, привезли не останки", — признался мне спустя несколько лет после этих событий Иванов».

Иванов свидетельствует, что гроб с прахом Никонова тайно искали в Кадриорге там, где был устроен мемориал и стоял памятник. По понятным причинам у Мельникова связаны два разных места: копали в Кадриорге, а прах взяли в Марьямяэ.

Когда 5 мая гроб с условным прахом уже погрузили в российский военно-транспортный самолёт, неизвестные похитили Георгия Иванова и привезли в некий таллиннский подвал, где показали ему дубовый гроб «по всем признакам, с останками Никонова». Останки предложили обменять на сведения о месте захоронения бойцов из 20-й дивизии SS, якобы расстрелянных в сентябре 1944 года. Иванов утверждал, что ему известно это тайное место, поскольку он служил при штабе 8-й армии и подвозил к месту расстрела эстонских националистов горячее. (По всей вероятности, трупы эсэсовцев сожгли, а иначе зачем горячее?) Однако ветеран решил не выдавать место расстрела и братской могилы эстонцев, а заодно не предавать огласке все обстоятельства перезахоронения «праха» Евгения Никонова:

«Я подумал, посоветовался с нашей партийной организацией, с членами райкома Российской компартии, в который тогда входил, — и мне посоветовали не будоражить общественное мнение...»

Обезглавленный памятник Евгению Никонову долгое время лежал на заднем дворе имения Орловых бок о бок с памятником Сталину. Бронзовых истуканов для смеха положили валетом.

И я бы не стал рассказывать эту длинную и крайне противоречивую историю, если бы не одно «но»: все могилы Евгения Никонова, сколько бы их ни было, изначально были кенотафами, потому что история от начала и до конца была выдумана бывшим политруком Шевченко. Разведгруппа Никонова пропала в полном составе, если вообще была, и никто никогда её не искал на местности.

Списанный по ранению с последующей инвалидностью Шевченко неожиданно стал настоящим героем — в апреле 1944 года за бои под Кейла и Харку бывший политрук был награждён орденом Боевого Красного Знамени. Но вот незадача: в донесении Шевченко утверждал, что был ранен в ногу 19 сентября в том самом бою, в котором отряд отбивал у фашистов матроса Никонова. В наградном листе указано, что ногу свою он потерял под хутором Харку неделю спустя, т.е. 26 сентября. Про реакцию Шевченко на призыв Никонова отбить у врага своего бойца в наградном листе нет ни слова.

Для сравнения: краснофлотец Никонов за исключительный героизм посмертно был награждён орденом Отечественной войны 1 степени только два года спустя 10 февраля 1946 года, а звание Героя Советского Союза посмертно было присвоено в 1957 году.

Субординационная деталь: Шевченко только помощник командира по политической части, но он и в разведку посылает, и в атаку отряд ведёт, и донесения пишет, а командир ООМ КБФ подполковник Михаил Иванович Заалишвили не упомянут ни разу, даже в донесении. Странно? Казнь подчинённого есть событие экстраординарное, но командир не счёл возможным отразить это в донесении?

Из донесения же политрука Шевченко следует, что Никонов был казнён ночью 20 августа, но официально матрос погиб 19 августа, и этому должно быть объяснение. Например, такое: в рапорте командира отряда было указано, что разведгруппа в составе Корнеева, Суточкина и Никонова ушла на задание и пропала без вести 19 августа. Но подполковник Заалишвили в историю Евгения Никонова не попал.

В семидесятых годах ходили слухи о том, что реальный Никонов приезжал-таки в Таллинн, чтобы посмотреть на свою могилу. Говорят, долго стоял у памятника, вглядываясь в свой бронзовый лик. Стоял, пока не заплакал и даже гвоздики уронил... Как бы там ни было, а в 90-х годах безголового моряка несколько раз видели на горке Марьямяги. При этом рассказывают, что призрак принимали за настоящий памятник, вновь установленный на могиле Никонова, настолько реалистично и бронзово он выглядел в лучах заходящего солнца.

Смущает вот что: мёрзок воспроизводит не образ самого человека, а его бронзовый неодухотворённый слепок. Ныне безголовый матрос стоит во дворе имения Орловых вместе с Лениным, Сталиным, Кингисеппом, Калининым, бетонным прототипом Бронзового солдата и другими объектами монументальной советской пропаганды. Не хотел бы я оказаться ненастным осенним вечером в их бронзово-гранитно-бетонной компании...

Ну и вишенка на торте. В 60- годах пионеры-мичуринцы, выходили росток споревшего вместе с Никоновым вяза, и, как положено, весной высадили его в грунт. А где не скажу. Не знаю.

Март Лаар и призрак Духовой церкви. Püha Vaino kirik

Одна из старейших улиц старого города Laboratooriumi не единожды прославлена в советской киноклассике. Взять хотя бы «Город мастеров» — шедевр киностудии «Беларусь фильм» (1965). Один из ключевых эпизодов фильма — битва рыцарей с городскими ремесленниками снята именно на этой улице.

Узкая улочка примыкает вплотную к городской стене так, что дома расположены только по одну сторону. В строении № 22 ныне находится Украинская Греко-Католическая Церковь. Храм был освящён в честь Престола Матери Божьей Троеручицы, защитницы всех неправдиво обвинённых, несправедливо преследуемых и невинно обиженных. Церковь униатская, т.е. сочетающая католическую и православную церковные традиции, находится в ведении Ватикана.

Иконостас для церковного алтаря расписал известный львовский художник Петро Гуменик. Его творение вполне вписывается в греко-православную традицию. На освящении храма Гуменик увидел тогдашнего премьер-министра Эстонской Республики Марта Лаара и сильно этим обстоятельством впечатлился.

Храмовая икона, написанная Гумеником в католической традиции, изображает Богородицу с распростёртыми руками, как бы обнимающими тех, кто имел отношение к строительству храма. Под её правой дланью можно видеть премьер-министра Марта Лаара в костюме и при галстук. Изображённый на иконе действующий политик иноверец, для Эстонии — это беспрецедентный случай.

Март Лаар (второй слева) на иконе из таллиннского храма Украинской греко-католической церкви, освящённой в честь Престола Матери Божьей Троеручицы.
Художник Петро Гуменик. 2001

Прелесть иконописного портрета в том, что написан он не по фотографии, а по живым воспоминаниям самого художника. Петро Гуменик лично встречался с Мартом Лааром во время освящения храма:

«Лаар руководил правительством как раз в тот период, когда мы освятили нашу церковь. Лаар как историк хорошо знает историю Украинской греко-католической церкви в Таллинне».

Вместе с Мартом Лааром под сенью рук Богородицы изображены монашка ордена Святого Семейства, в центре митрополит Андрей Шептицкий и папский нунций Иозеф Эрвин, справа семейство, символизирующее поколение новых украинских эмигрантов в Эстонии — ещё не беженцев, а советских мигрантов.

Старейшина греко-католической общины Таллинна Анатолий Лютюк объяснил появление образа Марта Лаара среди персонажей иконы свидетельством благодарности эстонских украинцев:

«Лаар руководил правительством как раз в тот период, когда мы освятили нашу церковь. Лаар как историк хорошо знает историю Украинской греко-католической церкви в Таллинне».

Икону представили публике в апреле 2001 года. Посмеялись, подивились и забыли. Рассказывают, что десять лет спустя в апреле 2011 года — дата важна — явилась старушка, которая посмотрев на икону, произнесла только: «Не жилец». И даже креститься не стала. Кого она имела в виду непонятно. С тех пор её в церкви более никто не встречал.

Вновь посмеялись и забыли, да только ровно через год в апреле 2012-го Марта Лаара настиг инсульт. Тяжёлая болезнь продлилась больше двух лет, да и он долго ещё не мог оправиться.

Когда под Рождество 2013 года Лаара спросили, есть ли у него основания гордиться эстонской медициной, он ответил:

«Основываясь на своём недавнем опыте, я испытываю большую гордость в отношении эстонской медицины».

И, подумав, добавил:

«У меня вызывает стыд и смущение, когда кто-то рассказывает о прекрасном советском времени, когда все были сыты, была работа. И если свой нос никуда не совал, то можно было спокойно жить».

Я не склонен вполне доверять этой истории — мало ли таких старушенций, обретающихся по городам и весям, по церквям и папертям. Спросите на любом свечном ящике, сколько у них на приходе юродивых старух — всех и не перечесать!

Разумеется, не перечить, да не все безумные старухи — пророчицы, а эта вот накаркала-таки наказание за то, что Лаар совал свой нос, куда не следует. Как бы там ни было, а из активной политики Лаар ушёл. Стыдливый оптимист, но не жилец.

Мораль, однако.

* * *

Новое здание Политпросвета — Püha Vaino kirik.

На заднем плане виден шпиль Яновой церкви, башни Длинный Герман и Кик-ин-де-Кёк, Кафедральный собор Александра-Невского и церковь Нигулисте. Редкое сочетание в одном кадре.

Ещё одна нетривиальная история связана со Свято-Духовой церковью — по-эстонски *Pühavaimu kirik*.

Некогда в Таллинне существовало сооружение с созвучным названием *Püha Vaino kirik*. Топоним неформальный, прилипший к Дому политпросвещения. В нём обыграно имя тогдашнего первого секретаря Коммунистической партии Эстонии Карла Вайно (Karl Vaino). После 1988 года топоним достался по наследству новому секретарю — Вайно Вальясу (Vaino Väljas). Несмотря на многочисленные протесты эстонской интеллигенции, Дом политпросвещения снесли, а на его месте построили торгово-развлекательный комплекс Solaris.

Фасад Свято-Духовой церкви с часами. 1978 (?).

Когда на следующий день после открытия комплекса в кино-театре Solaris обвалился потолок, старожилы были уверены, что дух *Püha Vaino* таким образом выразил своё отношение к новострою. Ах, как соблазнительно приписать рухнувший потолок проделкам призраков Карла Вайно и Вайно Вяляся, впрочем, история не о том.

Прежде о том, что в городе уже был подобный инцидент. В 1980 году Эстонию посетил с визитом министр культуры, кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС Пётр Нилович Демичев. На встречу с ним в Таллиннском горхолле имени Ленина собрали городскую общественность. Демичев бубнит с трибуны, в зале лёгкий шум, разговоры, смешки и вдруг тишина. На словах Петра Ниловича *«свидетельством чему является это замечательный холл»* от потолка отрывается полутораметровый плафон освещения. Он медленно кувыркается в воздухе. Демичев делает широкий жест рукой, как бы обводя зал и стены и в этот момент плафон разбивается о сцену прямо перед трибуной. Надо отдать должное выдержке старого партийца: глазом не моргнул и продолжал бубнить.

Свято-Духова церковь испокон веку гордилась своими часами XVII века. Логично было бы видеть часы на церковной башне, но вопреки традиции часы Духовой церкви служат украшением фасада. До середины 70-х годов прошлого века особую гордость часов представлял механизм, который к тому времени проработал без ремонта более трёхсот лет! Было чем до поры гордиться.

И вот, однажды светлой июньской ночью году в 1973 или 1974-м некий злоумышленник отломал минутную стрелку. Нарядили розыск. Это были времена, когда о камерах наблюдения и понятия не имели. Однако розыск имел успех.

Случилось в ту ночь, что выпускники одного из двух таллинских мореходных училищ отмечали выпускной. Будучи изрядно навеселе, новоиспечённые мореходы или рыболовы обнаружили, что часы слегка отстают. Непорядок! И время решили подправить. Нижний край циферблата находится на высоте двух с половиной человеческих ростов, так что дотянуться до минутной стрелки без лестницы практически невозможно, но парни дотянулись! В самый ответственный момент пирамида рухнула и стрелка осталась в руках смельчака. Злого умысла в действиях моряков не обнаружилось — только безрассудство и отчасти хулиганство. Кажется, что их всех простили, сделав строгое внушение.

Президент Тоомас-Хендрик Ильвес в Свято-Духовой церкви на молебне по случаю Дня сопротивления слушает певца Тынниса Мяги.
22 сентября 2008 года. Фото автора

О таких подвигах за стаканчиком горячительного с гордостью и с юмором охотно рассказывают в кают-компаниях. Инцидент же имел отдалённые последствия: белыми июньскими ночами в пору выпускных вечеров под часами дежурит старик. В белёсом облачке трудно разглядеть, чей призрак — пастора или часовщика. Однако не пугайтесь: этого духа интересуют только часы. Вам он вреда не причинит. Не уверен, что вы вообще заметите его сразу.

С некоторых пор Свято-Духова церковь приобрела неофициальный статус президентской, так что без собственного призрака ей никак — положено иметь по статусу! Однажды я видел, как в День сопротивления, он же День освобождения Таллинна от германской оккупации, после пасторской проповеди известный в советское время певец Тыннис Мяги, музицировал на рояле перед президентом Тоомасом-Хендрикком Ильвесом и его свитой.

Мяги играл на рояле и, заходясь в кураже, пел нечто духовно-патриотическое. Было заметно, что президент слегка скулит. Изредка, как бы в молитвенном экстазе Тоомас-Хендрик поднимал очи горе, и через минуту вновь склонял голову на грудь, да так, что подбородком придавливал знаменитый галстук-бабочку.

* * *

Отсюда мораль:
Патриотизм, оккультизм и духовность —
эвгемеризм — нынче в большой цене.

Цифровые призраки Orb — разумные плазмиды или развоплощённые сущности?

— Видишь суслика?

— Нет.

— И я не вижу, а он есть.

ДМБ.

Моя первая цифровая камера Trust была, что называется без затей: объектив, видоискатель, вспышка, отделение для батареек и карты памяти. При всём притом камера была лёгкой, маленькой и необычайно удобной: Когда она сдохла, я не смог найти ничего похожего и купил Canon качеством снимков в три мегапикселя.

На исходе гарантийного срока камера вдруг начала дурковать. Делаете снимок при дневном свете — нет проблем. А на снимках, сделанных в тёмное время со вспышкой, в кадре стали появляться белые пятна различной плотности и размера. Однажды сын показал мне кадры, сделанные им на концерте Бориса Гребенщикова — сплошной брак. А потом мне самому пришлось снимать официальных лиц в сгустившихся сумерках Юрьевой ночи — каждый второй кадр был испорчен.

Гарантийная мастерская признала наличие брака, но явного дефекта камеры не обнаружила. В магазине мне вежливо посоветовали не морочить им голову. Но я был упрям и камеру мне заменили на более новую модель, тоже, кстати, Canon. Новая камера тоже оказалась проблемной, но брак выдала значительно реже.

Позже оказалось, что дуркует не только моя камера. Приятель — перфекционист, любит, чтобы всё было сделано правильно и по инструкции. Когда он попытался снять для каталога мраморный бюст работы Бенедетто ди Леонардо из Майяно (1442–1497) — вещи изумительной и цены немалой, то в кадре обнаружили уже знакомые мне дефекты в виде кругов. Бюст таскали по разным углам помещения, но без результата. Наконец, камеру опробовали вне кабинета: круги исчезали, но в кабинете появлялись снова. Вот тогда-то приятель обнаружил в интернете тему Orb (light orb) — пришельцев с того света.

Термин Orb (от orbis, т.е. круг) восходит к 1994 году, т.е. к началу массового распространения цифровой фототехники. Доцифровая фотография с эффектом Orb практически незнакома. Опыт показывает, чем проще камера, тем она чувствительнее к эффекту Orb. Эта закономерность позволяет скептикам относить Orb к браку, возникающему по вине слабой оптики.

Между тем оптика в мобильном телефоне — казалось бы, что может быть проще? — к эффекту Orb совершенно равнодушна. Несомненно, есть тут какая-то техническая загадка, но вразумительного объяснения я пока не нашёл.

Нынешний подход к Orb заметно различается. Энтузиасты паранормальных явлений безоговорочно признают эффект Orb, в то время как скептики склонны к тому, чтобы в 99 процентах случаев брака, списывать его на эффект от пыли и мелкодисперсной влаги.

Нет единства и в определении природы явления Orb. Одни склонны видеть в них так называемые плазмоиды — разумных пришельцев из параллельных миров. Другие полагают, что Orb — это неуспокоенные человеческие души. Третьи считают, что Orb — это развоплощённые сущности умерших людей. Жуть! Поскольку явление непосредственно связано с развитием цифровой фотографии, то это пугает ещё больше. Привидения мы можем наблюдать невооружённым глазом, а вот Orb как суслик: мы его не видим, а оно есть.

Побродите по просторам интернета, и вы найдёте множество фотографий Orb, сделанных в самых разных местах. При этом считается, что больше всего неуспокоенных душ на бывших или действующих кладбищах, в местах человеческих трагедий (убийств, самоубийств, внезапных смертей) и местах, связанных с насилием.

В Таллинне наиболее перспективные места для обнаружения Orb находятся на Марьямяэ (немецкое военное кладбище); бывшее кладбище в Копли (топоним «Парк живых и мёртвых»); парк напротив завода «Вольта» (Пельгуранд, бывшее кладбище); Батарейная тюрьма; двор городской тюрьмы (напротив Летнего сада), парк Юрьевой ночи на Сьямяэ и вообще места массового скопления публики вроде концертных залов. Есть ещё подземный переход в центре Таллинна, который даже в советское время пешеходы старались избегать и, рискуя жизнью, пересекали бульвар Каарли, ловко уворачиваясь от автотранспорта. О том переходе мы уже упоминали в главе про Санта Барбару.

Я иногда жалею, что расстался с той чудесной камерой, которая внезапно стала везде обнаруживать то ли чудовищное загрязнение воздуха, то ли таинственное явление Orb. Периодически я покупаю старые цифровые камеры, в надежде найти экземпляр с такими же свойствами.

* * *

Однако известно, что имеем, не храним,
потерявши, плачем.

Концерт Бориса Гребенщикова в Таллине.
Гребенщикова в резкости, Огб в движении с хвостом кометы.
2006 год, 10 июня. Фото Андрея Петрова

Генерал Антс Лаанеотс получает из рук Юри Ушина частную награду «Звезда Юрьевой ночи». 2007 год, 2 февраля. Фото автора.

Андрей Жданов, постпред СССР Бочкарёв и члены ЦК КПЭ принимают парад эстонской армии

Нехороший дом

В центре города по адресу Пикк 23 стоит богато декорированный дом, рассматривать фасад, которого можно часами. Вскоре вы замечаете, что сверху за вами в лорнет наблюдает любопытный таллиннский аптекарь. Дом этот в стиле *art novo* был построен в начале прошлого века по проекту архитектора Жака Розенбаума. Строение входит в комплекс зданий посольства Российской Федерации вместе со строениями № 19 (построено в конце XVIII века для Фридриха фон Деллигсхаузена) и № 21 (построено в 1910 году Артуром фон Гойнинген-Гюне).

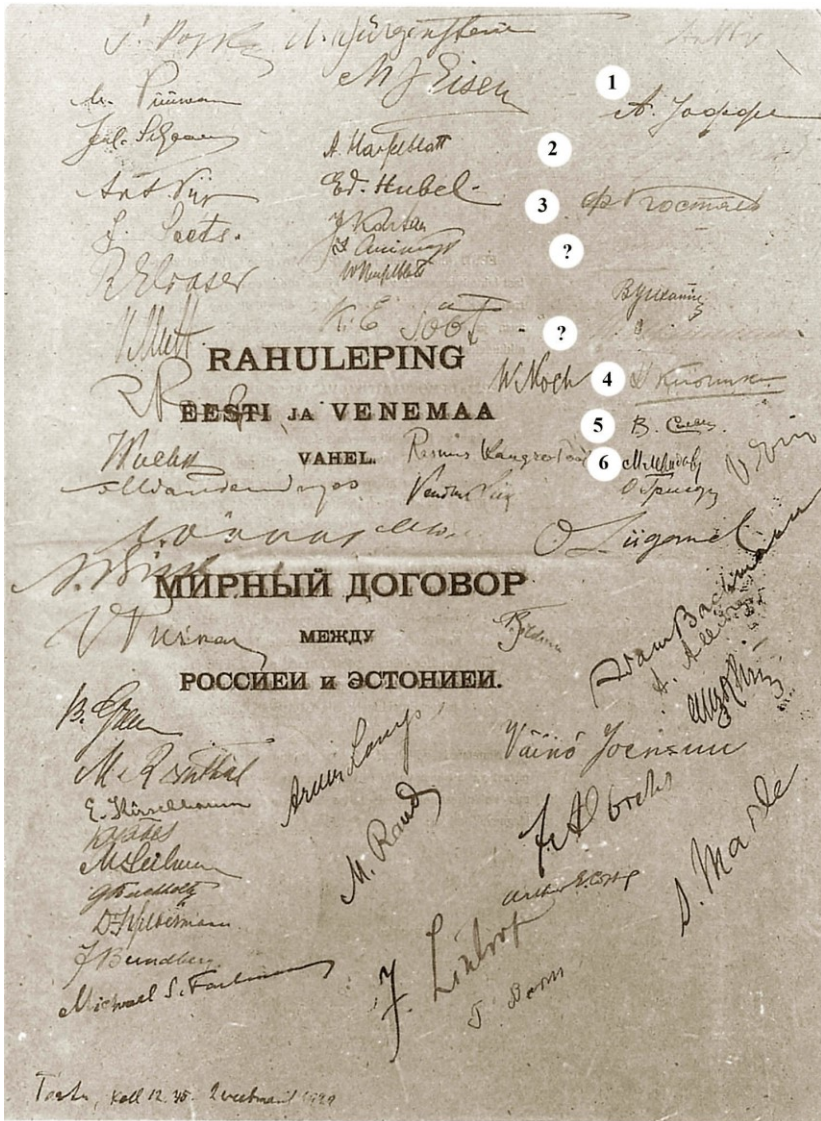
Городские экскурсоводы равнодушно проходят мимо строения № 19 – внешне ничем непримечательного дворянского особняка в стиле раннего классицизма, и очень даже зря. Над улицей нависает небольшой балкончик, с которого 17 июля 1941 года Андрей Жданов вместе с будущими членами правительства Эстонской ССР приветствовал парад эстонской армии, а 21 июля демонстрацию трудящихся.

Улица Пикк, 19. Таллинн, 21 июня 1940 года. Секретарь ЦК КПЭ по пропаганде Неэме Руус, секретарь ЦК КПЭ Йоханнес Лауристин, первый секретарь ЦК КПЭ Карл Сяре, член политбюро ЦК ВК(б)П уполномоченного правительства СССР в Эстонии Андрей Жданов и постпред СССР Владимир Бочкарев приветствуют демонстрацию трудящихся.

И вот однажды в самом начале 60-х годов был тёплый майский вечер. По улице Пикк из министерства в сторону Ратушной площади в лёгком праздничном подпитии и в отличном настроении шёл некий милицейский подполковник. На балконе дома №19 увидел группу людей, среди которых он безошибочно опознал известного эстонского коммуниста Йоханнеса Лауристина — относительно молодого человека с курчавой шевелюрой и в круглых очках, похожего на бюст любопытного аптекаря с крыши соседнего дома.

О том, как это происшествие всплыло, история умалчивает. Очевидно начальству доложил дежурный офицер. Официального хода делу не дали, но министерского подполковника задвинули от греха подальше. Ветерана, который весьма неохотно рассказал мне эту историю, уже нет в живых, так что подробностей кот наплакал. Однако у меня нет сомнений в том, что спустя двадцать лет после гибели Йоханнеса Лауристина подполковник видел именно его, хорошо знакомого по официальным портретам. А Жданова он просто не узнал. Мне же страшно любопытно был ли в ту ночь на балконе постпред Бочкарев, и ниже вы поймёте почему.

Открытие с фотографии эстонского фотографа Парикаса.

Дом знаменит не только этим историческим эстони́ем на балконе. Когда-то именно здесь располагался всесильный НКГБ Эстонской ССР. Потом в комплексе размещались службы и подразделения МВД Эстонской ССР. Дежурившие по ночам криминалисты рассказывали, например, что им нередко приходилось слышать странные звуки: шорохи, скрип половиц над головой, шаги по коридору, стук каблуков на парадной лестнице особняка, звон монет, и тому подобное. Однажды задремавший на посту милиционер проснулся от громкого стука в дверь. И всё бы ничего, но стук раздавался не снаружи — с улицы, а изнутри прямо у него под носом. Происшествие скрыли, но вскоре сержант проболтался, и по дому поползли слухи.

Оказалось, что за годы службы со странностями сталкивались многие. Всплыла история с дежурным офицером, который дважды в 1959 и в 1960 годах в коридоре второго этажа стрелял, как ему показалось, в привидение. Говорят, что стрелка списали на пенсию. Разумеется, болтовню строго запретили, но на каждый роток не накинешь платок.

Чтобы лучше понять сопутствующие таинственному происшествию обстоятельства, нужно чуть ближе познакомиться с биографиями временных постояльцев довоенного постпредского комплекса на улице Пикк. Никого из них давно нет в живых, но все они покинули этот мир при весьма странных обстоятельствах.

Взгляните внимательно на фотографию с обложки Юрьевского мирного договора 1920 года, украшенной подписями членов и технических сотрудников эстонской и российской делегаций. Внизу есть пометка о том, что надписи сделаны в 12 часов 45 минут 2 февраля 1920 года в Юрьеве.

В левой верхней части есть подписи членов эстонской делегации Поска, Пююмана, Сельяма, Соотса, и других. В правой части есть подпись руководителя Российской делегации высокопоставленного советского дипломата Адольфа Йоффе (1), военспца Феликса Костяева (3), члена делегации Николая Клышко (4), переводчицы Веры Сольц (5) и даже сотрудника РОСТА Михаила Левидова (6), но нет подписи второго лица в делегации — Исидора Гуковского (2).

Если присмотреться внимательнее, то обнаружится, что подпись Гуковского между подписями Йоффе и Костяева стёрта с обложки документа. Вместе с ней исчезли ещё две подписи – ниже подписи Костяева (?) и выше подписи Клышко (?). Стёрли подписи, стёрли и память? Проблема, однако в том, что даже стёртая человеческая жизнь, чего-нибудь да стоит.

Израиль Гуковский и Максим Литвинов

Пикантность ситуации в том, что это фотография 20-х годов, сделанная известным таллиннским фотографом А.Парикасом с эстонского экземпляра договора. То, что в известных советских реалиях — нет человека, нет проблемы и подписи тоже — было бы вполне естественным, то в эстонских исторических реалиях просто невыносимо. Кто стёр подписи с обложки документа — загадка, но судьбы советских постпредов в Эстонии ещё загадочнее.

Первым советским постпредом в Эстонии стал один из членов делегации в Юрьеве — Николай Клышко, однако уже 11 февраля обе должности — постпреда и торгпреда были переданы хроническому сифилитику Израилю (Исидору) Гуковскому. Известно, что Израиль Гуковский, совмещая две чрезвычайные должности, начал свою бурную торгово-представительскую деятельность с широкой распродажи «бриллиантов для диктатуры пролетариата». На его личных банковских счетах оседали гигантские суммы в валюте, что, однако, не доказано. Ходили слухи, что взятки эстонским чиновникам Гуковский давал бриллиантами, изумрудами и рубинами. Золотые оправы и бриллианты можно было обнаружить даже в мусорной корзине у рабочего стола постпреда.

В ноябре 1920 года Гуковский был отстранён от должности и должен был предстать перед следствием и судом, но в начале 1921 года постпред внезапно заболел и скоропостижно скончался от воспаления лёгких. Был слух, что его отравили по приказу Сталина, чтобы скрыть масштаб воровства.

Hotel Sankt-Peterburg.

Деньги и бриллианты Гуковского исчезли, но есть легенда о том, что никаких заграничных счетов, кроме текущих, у него не было, зато были многочисленные тайники в подвалах и на чердаках постпредства, которые не разысканы до сегодняшнего дня. Так что Гуковский — первый из кандидатов на роль привидения, охраняющего в доме № 19 свои несметные сокровища. Возможно, это он ночами пересчитывает золотые червонцы, тревожа российских дипломатов.

26 декабря 1920 года постоянным представителем в Эстонской Демократической республике был назначен Максим Максимович Литвинов (Мейер-Генох Мовшевич Валлах). Он безуспешно пытался разыскать заграничные счета и тайники Гуковского. Литвинов единственный из довоенных российских постпредов в Эстонии, кто умер в собственной постели и не от пули, а от старости.

Где именно Литвинов искал заначки Гуковского нам не ведомо, да только в то время постпредство находилось в гостинице «Санкт-Петербург». Кабинет и покои Гуковского — два плюс два окна на втором этаже в угловой части здания. Есть, однако обоснованные сомнения в том, что Гуковский хранил свои бриллиантовые заначки в здании отеля. Скорее всего у него в городе была оперативная квартира, предназначенная для частных встреч или временного хранения ценностей. Её-то и нужно искать, если она сохранилась, а не сгинула в

мартовской 1944 года бомбёжке Таллинна. Разрушенный комплекс зданий по улице Харью располагался в непосредственной близости к отелю — удобство конспиративной квартиры и тайника очевидно, при условии, что заначками не распорядилась эстонская разведка.

Каковы были судьбы остальных советских постпредов в Эстонии? Прямо скажем, никто не умер в своей постели.

Первый постпред Николай Клышко, был арестован 2 сентября 1937 года по обвинению в участии в антисоветской террористической организации и 9 октября 1937 года расстрелян в Москве.

Четвертым по счёту после Литвинова постпредом был назначен Леонид Николаевич Старк, сын обер-аудитора штаба начальника Тихоокеанской эскадры адмирала Николая Николаевича Старка. Он был натурой тонко организованной, любил поэзию и поэтов. Сергей Есенин посвятил ему стихотворение «Небесный барабанщик». Похоже на то, что Старк застал ещё золотовалютный с бриллиантовым отливом ручеёк для диктатуры пролетариата, потому и кончил плохо. В 1937 году Старк был арестован и 15 сентября расстрелян в Тбилиси.

Пятый постпред Юрий Владимирович Мальцев арестован и 28 июля 1941 года расстрелян.

Шестой постпред Михаил Вениаминович Кобецкий в 1937 году отозван из Греции в СССР, арестован и 28 апреля 1937 года расстрелян.

Седьмой постпред Адольф Маркович Петровский сгинул в 1934 году в Венгрии при весьма загадочных обстоятельствах. Однажды утром вышел из дома, а до службы не дошёл, и никто его больше не встречал. *Из дома вышел человек... и той поры пропал* (Д.Хармс.)

Восьмой постпред Александр Григорьевич Гамбаров арестован 17 июня 1937 года и 1 октября осуждён Военной Коллегией Верховного Суда СССР по ст. 58-10 УК РСФСР к «10 годам лишения свободы без права переписки». Согласно свидетельству о смерти, дата расстрела Гамбарова — 12 ноября 1938 года.

Девятый постпред Фёдор Фёдорович Ильин (Раскольников) в 1938 году сбежал с семьёй в Париж, откуда написал открытое письмо Сталину «Как меня сделали „врагом народа“». 12 сентября 1939 года в Ницце (по другим сведениям, в Марселе) при невыясненных обстоятельствах выпал из окна госпиталя и разбился насмерть.

Десятый постпред и единственный среди них дворянин Алексей Михайлович Устинов (Безземельный) скоропостижно скончался в Таллинне 26 сентября 1937 года при невыясненных обстоятельствах. Залечили или отравили?

Одиннадцатый постпред Кузьма Николаевич Никитин был освобождён от должности 6 июня 1940 года и «пропал» без вести. По слухам, дожил-таки до 1965 года, но документально это ничем не подтверждено.

Двенадцатый постпред Владимир Борисович Бочкарёв погиб 28 августа 1941 года на затонувшем в бою крейсере-миноносце «Володарский» (подорвался на плавающей мине). По некоторым сведениям, на «Володарском» вместе с Бочкаревым погиб председатель СНК ЭССР Йоханнес Лауристин. По другим сведениям, Лауристин погиб на крейсере-миноносце «Яков Свердлов».

Среди репрессированных постпредов в Эстонии большой процент, так называемых востоковедов. А.Гамбаров — ректор Московского института востоковедения им. Нариманова. Л.Старк работал постпредом в Грузии, Афганистане и уполномоченным НКВД СССР при СНК ЗСФСР. Н.Клышко — постпред в Китае. Ю.Мальцев — консул в Кобе (Япония) и в Сеуле (Корея). Раскольников — постпред в Афганистане и заведующий Восточным секретариатом Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала. М.Кобецкий — постпред в Греции и Албании. А.Устинов — уполномоченный НКВД СССР при СНК Грузинской ССР.

Возможно и другое объяснение: всех их связывала работа в Эстонии — валютно-бриллиантовый трафик. Все они, так или иначе, причастны к незаконной продаже золотовалютных запасов Российской империи и связаны с поисками награбленного Израилем Гуковским.

Возникает вполне обоснованное подозрение, что весь комплекс российского посольства на улице Пикк — это один нехороший дом с многочисленными привидениями, по которому длинными осенними и зимними ночами бродят не только Гуковский и Лауристин. Ищут ли они клады или перепрытывают «бриллианты для диктатуры пролетариата», нам неизвестно.

Сомнительно, что дипломаты когда-нибудь согласятся раскрыть сокровенные тайны резиденции. Был, правда, слух о том, что некоего доверчивого хозяйственника, ночами простукивавшего стены, быстро списали, но за достоверность истории поручиться не берусь.

Однажды я пересказал для ETV+ несколько историй городских мёртвых, но до экрана дошла только история «*бриллиантов для диктатуры пролетариата*». Получилось, что я сочинил байку в пику российскому посольству. Однако, как сын за отца не ответчик, так и Российская Федерация не в ответе за судьбу советских постпредов.

Верить в историю или нет дело ваше.

Призрак кафе Margo

Погожим сентябрьским деньком четырнадцатого года на веранде кафе Margo я обсуждал с приятелем издательские проблемы и был приятно удивлён, когда к нам проявила интерес симпатичная официантка. Мы были очарованы и заинтригованы.

Извинившись, что невольно подслушала чужой разговор, Аня (имя изменено) сообщила, что совсем недавно видела настоящее привидение. Причём, прямо на рабочем месте. Какая редкостная удача: не рассказы с чужих слов, а живой свидетель — очевидец! Оказалось, что Аня под руководством известного археолога Соколовского когда-то принимала участие в раскопках кладбища во дворе гостиницы Santa Barbara, и человеческих останков навиделась на всю оставшуюся жизнь и научилась не бояться кладбищ, костей и черепов.

Рассказ моей новой знакомой я воспроизвожу здесь с точностью цифрового диктофона:

— Аня. Вы боитесь привидений?

— Не то, чтобы боюсь... Просто допускаю, что такое явление существует, но встречаться с ними не хотелось бы. Мне очень очень неприятно.

— И что же вы видели?

— Я была одна, стояла у стойки бара, считала деньги. В кафе никого не должно было быть. И вдруг краем глаза вижу какое-то

движение на мониторе. Движение такое, как будто в дневное время по залу в туалетную комнату идёт человек. Это не был световой блик, это был силуэт, порхающий над столом. Я даже время запомнила на мониторе — двадцать три пятьдесят шесть. Описать трудно: что-то напоминающее фигуру человека. Силуэт без рук и без ног, но с головой. Шлейф такой... Местами совсем прозрачный, а местами ярко выраженное белое. Оно как бы и не двигалось быстро, оно как бы порхало над столом. Мне даже показалось, что оно что-то там, на столе трогает — приборы, тарелки... Секунды четыре я смотрела, потом отвернулась.

Мне было интересно, но смотрела я так мало, потому что у меня в голове была мысль, что она меня увидит. Она была всего в полтора метра от меня — за простенком, рядом проход. Мне показалось, что она выйдет за угол и меня испугает. Я подумала: лобознательная такая, всё ей интересно. Я как бы не хотела, чтобы она меня увидела, чтобы не спугнуть... Я даже не пошла смотреть изменилось ли что-то на столе. Я старалась систематизировать свои мысли: мне надо пойти и выбросить, мусор, закрыть кафе... А на записи в 23.56 ничего нет.

— А звуки? Были какие-то звуки?

— Нет.... Но я ещё помню, когда хотела выключить монитор, у меня было такое чувство, что она около меня стоит.

Обращает на себя внимание, как в рассказе официантки «оно» незаметно меняется на «она» — я не стал акцентировать на этом внимание рассказчицы, но для себя отметил. Обратим внимание на то, что для стрессовой ситуации рассказ достаточно логичный и связный, а это значит, что уже обкатанный на слушателях.

Кто бы из нас не испугался, если бы почувствовал, что «она» стоит рядом? Я говорил и с другими работниками кафе, но призрака никто из них не видел. Зато почти все они были свидетелями явлений другого порядка. То механический звонок на стойке бара беспричинно даёт о себе знать, то на складе коробка картонная упадёт в проход, то кто-то постукивает костяшками пальцев по листу фанеры.

Другая официантка как-то обнаружила, что после открытия кафе не работает касса. Стали разбираться, в чём дело. Оказалось, что касса связана одним удлинителем с холодильником на кухне, и он выключен из розетки. И ведь место такое, что случайно задеть провод при уборке невозможно. Содержимое холодильника пришлось выбросить — всё скисло за одну ночь. И это любопытная подробность: холод сохраняется, даже в отключённом агрегате, если, конечно, не оставить дверку открытой, а тут за ночь разом всё скисло!

Вот ещё история. В дальнем зале есть манекен, наряженный как бы в средневековое платье. Однажды утром работница кафе, будучи в хорошем настроении, заговорила с манекеном: *«Ты что такая грустная? Взгляд грустный. Гляди веселей!»* Ну, или что-то там в таком оптимистическом ключе.

Некоторое время спустя в большом зале послышалась музыка. Женщина подумала, что музыка доносится из ресторана Olde Hansa — для раннего утра явно не к месту. На входе позвонили, но за дверью, выходящей на Ратушную площадь, никого не оказалось. Между тем музыка звучала громче и громче. Скоро звук стал таким, что уже невозможно было его терпеть. Пришла ещё одна работница. Женщины с трудом отыскивали проигрыватель и выключили музыку.

Если суммировать, то история распадается на две части: в одной части призрак женщины, в другой проделки домового. Домового гнать незачем, пусть себе живёт, тем более что живёт он в этом доме давно, очень-очень давно. А хулиганить домового начал, потому что к нему не проявляют должного внимания и уважения. И хотя в его владениях завелось учреждение общественного питания, сам он чужую еду никогда не возьмёт. Оставляйте домовому в укромном месте блюдце с молоком и печенюшкой. Присмотрит угощение, считайте, что подружились. Если и будет изредка напоминать о себе, то дружески и без досужего хулиганства.

Не примите как совет — это просто пересказ народного поверья.

Что делать с призраком в кафе Margo, я не знаю. Сами по себе призраки безобидны. Они не претендуют на наше внимание, существуют сами по себе, всегда заняты своим делом, и я не вижу причин устраивать в кафе сеансы «экзорцизма», ну, разве что кошку завести, а ещё лучше беспородного кота, с детства не избалованного цивилизацией и человеческим вниманием.

Проблема призрака из кафе, а это именно призрак, в том, что он не идентифицирован, у него нет имени, пола и легенды. Редкий случай, когда легенду можно написать с чистого листа. Нужен только исследователь, не боящийся трудностей и призраков. А пока пусть это будет не без средневекового изящества — «призрак кафе Margo».

С другой стороны, безымянный призрак — это плохо, потому что даёт простор для необузданной фантазии и спекуляций со стороны «патентованных экстрасенсов», закалённых в битвах с коллегами и способных отпугнуть не только работников кафе, но и клиентов, причём надолго. В отличие от безобидных призраков наших «экстрасенсов» действительно следует бояться.

Мне в руки попала запись «охоты на призрак» в исполнении дуэта экстрасенсов Илоны Калдре и Алёны Орловой. Поверьте, есть от чего прийти в изумление:

***Орлова.** Илон, она здесь давно... Она разговаривать готова... Я так не могу, я не знаю, кого мы вызовем... Потому что, если это какая-нибудь убийца или отравительница, которые ходят здесь новую жертву ищут, я с ней общаться не собираюсь. А если это человек со своей историей, наверное, надо понять, что ей здесь нужно... Так, Илона, ну, что в коридорчик сядем... Я не чувствую какого-то вреда для помещения, но я не хочу попасть в историю, которая нам всем потом аукнется неприятностями или кошмарными снами. Понимаешь? Надо разобраться.*

***Калдре.** Женское привидение?*

***Орлова.** Женское.*

***Калдре.** Какая-то очень страдающая женщина.*

***Орлова.** Про что и речь. От чего она страдает и не будет ли для нас неприятностей... Ты же понимаешь, если её к себе присодинишь, то, возможно, она у тебя что-то возьмёт. А как-то не очень хочется отдавать... Есть контакт? Будет готовиться за чем? За знаниями. О чём? О своей гибели... Вот она! Тут были свидания и обман ужасный был. И после этого была перемена и товарищ не погиб, похоже, а его услали... Картина такая... Она выйдет на контакт сейчас... Ситуация заключается в том, что здесь была какая-*

На переднем плане Алёна Орлова, на заднем — Илона Калдре, сосредотачивается лёжа на диване.

то женщина, и женщина эта была несвободная... Она здесь встречалась с мужчиной, который не был ей мужем, но стал любовником. Видимо, они познакомились... Ну, сейчас выйдем на контакт. В общем они на этом складе при магазине каком-то тайно встречались, и она забеременела ещё вдобавок, да, потому что муж был старый. У неё был старый муж. А вот, кто это был, давай, сейчас выйдем на контакт... Он тебя не боится больше... Илона!

***Калдре.** Светлана, будьте с нами я буду рассказывать вам то, что делает Алёна, чтобы вы понимали. Сейчас Алёна попытается поймать её, позвать сюда. Она сосредоточилась именно на женщине, о которой мы рассказывали. И попробует позвать на контакт, чтобы задать несколько вопросов. Сейчас нам ясно пока, что это какая-то история любви. Она здесь не жила, она сюда приходила. Как только она придёт, по дыму будет видно*

***Орлова.** Не ходите рядом со мной. Не ходите! Вы создаёте вибрации... Я не смогу поймать... Илона! Иди со мной на контакт полностью... Всё! Вот она! Вот она...*

***Калдре.** Во ист май либе... Это может быть имя?*

***Орлова.** Во ист майн либе... Она спрашивает: «Во ист майн*

либе...» Имя. Она говорит имя. Ты же хорошо ловишь имена, я хуже...

Калдре. Не знаю, что-то на фэ...

Орлова. Фридрих!

Калдре. Да! Да! Как вариант очень даже может быть...

Гаутпман. Немец. Эстония была частью Германии... Может быть. Как далеко мы за...

Орлова. Она у вас здесь. Вы ей не нужны совершенно. Она вас не видит. Она попала сюда из другого измерения и не знает, что она мёртвая. Она ищет здесь своего любовника, которого звали... Вернее для неё до сих пор зовут Фридрих. Фамилия Заппат. Дальше... Тут был галантерейный магазин рядом недалеко. Он там был приказчиком. Она жена чиновника местного. Она от него уходила сюда. Была галантерейная лавка, сторожила дверь служанка, чтобы никто не мешал свиданию. После чего служанка за деньги предала её мужу.

Калдре. Потому что нам так и казалось. На самом деле то, что мы видели — это была женщина в белом платье. До пят. Либо это несчастная любовь, либо её бросил молодой муж перед свадьбой.

Орлова. Фрау Кох.

Калдре. Сколько ей лет?

Орлова. Двадцать два. Сейчас ей тоже двадцать два. Она не знает, что она умерла. Она пошла в туман. Муж запер её в доме, потому что это был позор. Она родила ребёнка и сказали, что ребёнок мёртв. Она ждала, пыталась вырваться...

Хрень редкостная. При этом в кадре в ногах Илоны Калдре слегка колышется белёсое облачко — то самое, которое Аня видела на экране монитора, причём в том же самом месте. Оно заметно, потому что узор на диване за облачком слегка размыт. На облачко не влияет ни свет, ни передвижения оператора. Но никто «фрау Кох» не видит и внимания на неё не обращает. Призрак как бы есть и как бы его нет.

Такие вот странные истории из современной жизни.
Вроде бы и пересекаются, а вроде бы и нет.

Истории не заканчиваются никогда

В черте современного города есть не менее удивительные и загадочные места, чем дома со старинными привидениями, сгинувшие без следа тюрьмы, «шхуны» и «бункеры».

Если войти с Ратушной площади в проулок Saja Käik, то слева в полуподвале до сих пор шалют древние мёрюки. О них судачили ещё в те времена, когда здесь был цветочный магазин. В средние века здесь была одна из городских тюрем. Позже тюрьму ликвидировали, а вдоль прохода построили лавки для торговцев, но мёрюки вроде как остались. Средневековый ребрендинг удался: хлебные лавки прижились и дали название безымянному проулку. В советское время машинное кофе здесь подавали с армянским коньяком — восторг! А ещё на местный манер подавали мороженое в кофейных чашках.

Или вот такая достопримечательность Ласнамяэ как место, прозванное «Локаторы». Армейских локаторов, которые некогда оживляли пейзаж за Певческим полем давно уж нет, но топоним жив. Лет тридцать назад это было дикое, таинственное и очень-очень романтическое место с потрясающим видом на залив, а особенно на закате — излюбленное место романтических свиданий.

Вот уж где подлинно была Поцелуева горка — обнимашки, целовашки и всё такое прочее, на что смотреть не надо, про что сказать нельзя.

О! Сколько здесь завязок чудных составил гений... В смысле гений места — Genius loci. Впрочем, и развязок тоже. Уйти в локаторы и не вернуться, пропасть в них навсегда.

Поздно, однако...

“Saijakangi kohvik”.

На старом фото горожане и знаменитый кофейный аппарат

На новом фото Saja Kääk обновлённый экстерьер кафе.
Справа перед проходом на площадь вход в тюремный подвал.

А вот променады вдоль берега моря увенчанный неоязыческим мегалитом. Лишь один зевака из тысячи способен определить утилитарное, т.е. чисто астрономическое назначение скульптуры, остальные видят в нём лишь абстракцию. Но, если без претензий, то ловец закатного солнца отлично вписался в инфраструктуру променады.

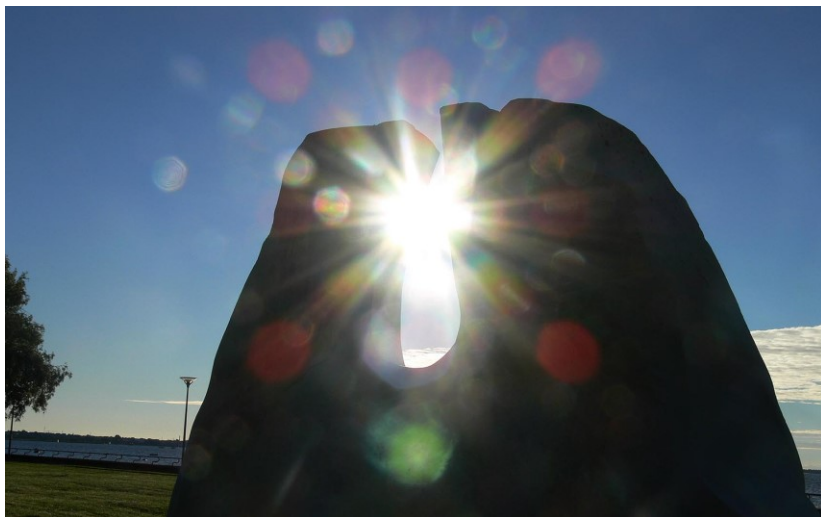
Отдельная тема — священные камни. На самом краю Ласнамяэ по глинту, по самому по верху пролегла морена — свидетель последнего оледенения. Морена — морок? Морена принесла с собой гранитные валуны. Камушки эти будут постарше всей нашей цивилизации на целый миллион лет. За то наши гиперборейские предки, ещё не успевшие поделиться на русских, эстонцев и прочих американцев, любили здешние каменные артефакты, поклонялись им, жертвы посылить приносили, но без фанатизма и без человечины.

Можно по-разному относиться к объектам языческого поклонения и даже видеть в них бесовщину. Но и к бесовщине можно относиться по-разному. Общее правило таково, что с бесовщиной нельзя заигрывать, но пренебрегать ею и насмехаться над ней тоже не рекомендуется.

Камни — это совсем другое дело. Они неотъемлемая часть нашей природы, часть нашего мира, часть нашей вселенной. Свидетельство Творения, если хотите. Глядя на небрежение к этим исполинам, я давно перестал понимать, в какой стране мы живём. Страна вроде как языческая, а государство — христианское. Между тем общество — это безземельное *maarahvas*, мятущееся в поисках утраченного тотема, живёт в полном небрежении к памяти предков. И это, несмотря на то, что собирается прославить язык культуру предков в веках. *Если что-то я забуду, вряд ли звезды примут нас...*

На западном краю дороги священные камни соседствуют с жилым микрорайоном. Они давно облюбованы местными алкашами и любителями шашлыков «на природе». Понятно, что никто и никогда дерьмо за собой не уберёт, а только норовит нагадить побольше. Какое уж тут уважение к Богу и поклонение, какие приношения — битая посуда и колбасные ошкурки. Недавно я обнаружил, что священные камни на западной стороне обнесли проволочным забором, примыкающим к супермаркету, — вроде как территория здешнего заводика. Целы ли? Издалека ничего не разглядеть.

На восточном краю дороги лежит огромный валун с острым гребнем, а в полусотне метров от него ещё совсем недавно было устроено несколько сливных колодцев. Вонючка была нестерпимая. Возможно, когда-то здесь и обитал ласнамяэский *Genius loci*, но сгинул, уступая чувству безразличия.

Ловец солнца на променаде вдоль берега моря.
Фото автора. 2014.

Наши гиперборейские предки знали толк в чудесах!
Фото автора. 2014.

И всё же я любил приходить к этим камням. Они старше меня на миллионы лет, и я никогда не сравняюсь с ними: не догоню и не обгоню их. Как-то я пошёл проведать камни и по пути угодил под дождь. Я много раз видел эти валуны в сухую погоду и никогда до этого дня в дождь. Дождь как проявитель в фотографическом процессе извлёк то, что скрывает сухая погода – настоящий цвет гранита. Оказалось, что наши ласнамяэские камни цвет имеют потрясающий — кроваво-красный. Вода, скопившаяся в жертвеннике, приобрела цвет крови. Однажды я решил отмыть жертвенник от мусора, и поскольку погода была сухая, после мытья налил в него обыкновенной водопроводной воды, но чуда не случилось. Вода осталось водой, бесцветной и прозрачной.

У Бориса Гребенщикова в одном из его гимнов Богу сказано образно, но предельно ясно и точно:

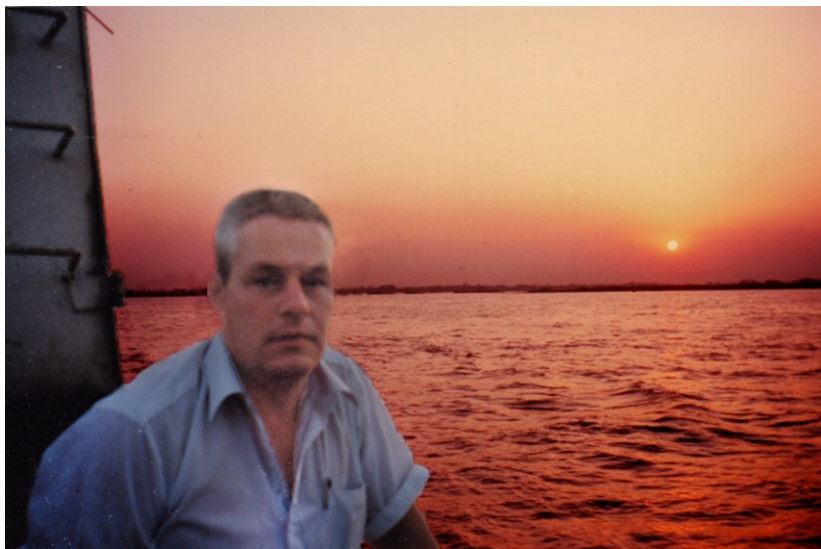
Туман над Янцзы.
Туман над Янцзы.
Душистый, как шерсть
Небесной лисы.
Я выбросил компас,
Растоптал в пыль часы
И вышел плясать
В туман над Янцзы <...>

А я хожу и пою,
И все вокруг Бог;
Я сам себе суфий
И сам себе йог.
В сердце печать
Неизбывной красы,
А в голове
Туман над Янцзы.

Ласнамяэские камни тоже пронизывает ци, по-нашему — Дух Святой.

На кровавом камне можно было бы и точку поставить, но тут не к месту вспомнились две истории. Обе без убедительных подробностей, хотя у каждой из них есть неведомый нам автор.

Я бывал в тех краях. Переправлялся через Янцзы, вдыхал тот упоительный туман, впитал неизбывную красоту, пил из рук *Genius loci* восхитительное китайское ци... И мне хочется верить, что я оттуда вынес в своём сердце, что-то неуловимо местное — очень древнее...
Китайское?

* * *

Одна совсем свежая. Был в Таллине пивной ресторан *Karja kelder* — крутая лестница в каменный сводчатый подвал, тяжёлые гранитные столешницы, пиво, поджарка. До того здесь была грязная пивнушка, в которую мужчины ходили, предварительно оглядываясь. Тот пивнужка «Подводная лодка» ресторан не унаследовал.

В начале 70-х служил в ресторане официант по имени Виктор, который никогда не давал сдачу — «*A на сдачу я станцию!*» Объяснение наглости было такое: служба в армии, Виктор поссорился с кем-то из товарищей и во время прыжков ему перестегнули лямки на парашюте. Ему удалось раскрыть запасной парашют, но месяца через три бойца комиссовали. К странному официанту привыкли и связываться с ним никто не хотел. Я рассказал о нём на facebook и мне в ответ прислали историю. Как-то воскресным днём семейная пара шла по улице Карья. Около бывшего ресторана *Karja kelder* у стены на корточках попрошайка с протянутой рукой.

Мужчина, не глядя, высыпал в его ладонь горсть мелочи из кармана, а за спиной раздался звон монет, упавших на брусчатку. И никого. Пусто, и спрятаться негде.

Вторая история из 70-годов тоже проросла в день сегодняшних. История эта случилась на переломе семидесятых и восьмидесятых годов прошлого века: органы (не внутренние — другие) поймали людоеда то ли повара, то ли официанта, который хранил в рабочем холодильнике человеческую печень. Разговоров было много, но все какие-то пустые.

Единственная запомнившаяся деталь: сначала людоед работал поваром в ресторане гостиницы Palace, а свинтили его, когда он работал официантом в каком-то кафе в Мустамяэ. И в этой детали была своя логика: при советской власти официант зарабатывал много больше повара. Как такая информация просочилась из органов на городские кухни даже не спрашивайте. Рассказывают, что свинтил злодея и провёл первичный опрос грозный опер Миша Лысенко. Тот самый, который на излёте перестройки штурмовал на грузовике Рийгигогу. Кстати, в новейшие времена в том ресторане зарезали столовым ножом первого в Эстонии рекетира из времён перестройки.

Прошло тридцать лет и вот мне рассказывают, что в отеле Palace в ресторане на верхнем этаже творятся странные вещи: по ночам слышны шаги и хлопанье дверей. По утрам двери холодильника находят открытыми. На полу валяется размороженная печёнка... Молодая дама, рассказавшая мне эту историю, происхождение имеет из девяностых и, разумеется, понятия не имеет о таллинском людоеде из восьмидесятых.

Рассказываю свою — *страшную* — половину истории. Спрашивает в ужасе, а что теперь делать? А я ей серьёзно так: не дразните его сырой печёнкой! Хохочет. С юмором всё в порядке.

* * *

Подлинно, странные истории не заканчиваются
никогда. Нужно только иметь слух
и уметь не только слушать,
но и слышать.

